

Волкова Виктория Борисовна

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ "БОРИС И ГЛЕБ" В РОМАНЕ О. Н. ЕРМАКОВА "ЗНАК ЗВЕРЯ": ПОНЯТИЙНАЯ И ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

В статье исследуются понятийная и образная составляющие интертекстуального концепта "Борис и Глеб" в романе О. Н. Ермакова "Знак зверя". Интертекст выступает смыслообразующей зоной моделирования концепта, актуализирующей религиозно-мифологические и литературные параллели. Понятийный компонент включает ряд дефиниционных признаков и репрезентируется художественными мотивами заступничества и бунтарства, а образная составляющая структурируется метафорическими описаниями, номинирующими новые художественные смыслы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 62-64. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Белякова С. М.** Прошлое и будущее в диалектной картине мира // Вестник Воронежского государственного университета. Воронеж, 2005. С. 79-88.
2. **Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян:** сб. науч. трудов / под ред. С. М. Толстой. М.: Издательство «Индрик», 1999. 339 с.
3. **Словарь пермских говоров** / отв. ред. А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева. Пермь: Книжный мир, 2000. 608 с.
4. **Словарь пермских говоров** / отв. ред. А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева. Пермь: Книжный мир, 2002. 576 с.
5. **Словарь русских говоров Южного Прикамья** / отв. ред. И. А. Подюков. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2012. Выпуск 3. 502 с.
6. **Шляхова С. С.** «Другой» язык: Опыт маргинальной лингвистики. Пермь: Перм. гос. полит. ун-т, 2005. 346 с.

**DIALECTAL SOUND PICTURE OF THE WORLD: SOCIOPHONOSPHERE
(BY THE MATERIAL OF PERMIAN DIALECTS)**

Vershinina Mariya Gennad'evna
Perm State University of Humanities and Education
ver.m.g@yandex.ru

The article considers the fragment of sound picture of the world (the part of dialectal language picture of the world) – sociophonosphere. The onomatopoeic vocabulary of the Permian dialects, representing the peculiarities of the perception of sounds of the world in general, and artificial sounds in particular by native dialect speakers, is analyzed. One of the most developed spheres of sound can be signal sphere fixing the sounds that have signaling function. Other areas: technophonosphere, music phonosphere are less developed and therefore less significant.

Key words and phrases: dialectal linguistic picture of the world; phonosphere; sound picture of the world; sociophonosphere; onomatopoeia.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье исследуются понятийная и образная составляющие интертекстуального концепта «Борис и Глеб» в романе О. Н. Ермакова «Знак зверя». Интертекст выступает смыслообразующей зоной моделирования концепта, актуализирующей религиозно-мифологические и литературные параллели. Понятийный компонент включает ряд дефиниционных признаков и репрезентируется художественными мотивами заступничества и бунтарства, а образная составляющая структурируется метафорическими описаниями, номинирующими новые художественные смыслы.

Ключевые слова и фразы: интертекстуальный концепт «Борис и Глеб»; роман О. Н. Ермакова «Знак зверя»; художественный мотив; понятийная и образная составляющие концепта.

Волкова Виктория Борисовна, к. филол. н., доцент
Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
VBL2004@bk.ru

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ «БОРИС И ГЛЕБ» В РОМАНЕ
О. Н. ЕРМАКОВА «ЗНАК ЗВЕРЯ»: ПОНЯТИЙНАЯ И ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ[©]**

Образы Бориса и Глеба в романе О. Н. Ермакова «Знак зверя», бесспорно, знаковые, на что неоднократно указывали критики. «Концептами стали исторические личности – князя Борис и Глеб... что обуславливает уникальность национальной концептосферы» [4, с. 111]. Наличие прямых ссылок на прецедентные тексты («Чтение о житии и погублении блаженных страсотерпцев Бориса и Глеба» Нестора Летописца [7] и «Сказание о Борисе и Глебе» [6] (предположительно Иакова Черноризца, по мнению митрополита Макария и М. П. Погодина)) позволяет отнести концепт «Борис и Глеб» к интертекстуальным. На пересечении религиозного и художественного дискурсов осмысливается истинность исторического пути развития России. Если реальные Борис и Глеб являли своего рода точку отсчёта русской государственности под началом христианской веры, то романские Борис и Глеб, сближающиеся с библейскими Каином и Авелем, знаменуют утрату истинных ориентиров, разрушение самой идеи государства, которое Глеба превращает в братоубийцу Каина. Таким образом, в романе Ермакова концепт «Борис и Глеб», сформированный в пределах интертекстуальной парадигмы, связывается как с древнерусскими сказаниями о легендарных Борисе и Глебе, так и с библейской историей о Каине и Авеле. В смыслообразующей зоне интертекста обнаруживается четырёхкомпонентная структура концепта, конструируется образное ядро и ассоциативно-символическая периферия, включающая авторские оценки и трактовки содержания не только текстов-первоисточников, но и Библии.

Понятийная составляющая концепта «Борис и Глеб» включает в себя ряд дефиниционных признаков.

1. «Дефиниционная схема» [2, с. 190]: единокровные (в отличие от их брата Святополка) братья Борис и Глеб были первыми святыми мирянами на Руси, ведь Византийская церковь святость связывала с монашеским подвигом.

2. «Избыточный признак» [Там же]: канонизация Русской православной церковью Бориса и Глеба, почитание их как страстотерпцев (чего не было в Византии) имели большое государственно-политическое значение, ведь братья в трактовке древнерусских книжников сразу же стали восприниматься одними из самых главных заступников за Русскую землю. Борис и Глеб выступают заступниками Руси перед Господом, следовательно, могут вымолить у него прощение грехов русских людей.

3. «Ряд семантических признаков» [Там же]: утверждение культа Бориса и Глеба означало, что Русь уже не мыслила своё дальнейшее развитие вне христианского вероучения. «Основной смысл своего существования на земле русский народ начинал осознавать в исполнении Божьих заветов, Божьего Промысла. А цель своего движения по будущим историческим дорогам виделась на Руси в достижении вечного спасения» [5, с. 218].

Интертекстуальная связь текстов, разделённых почти тысячелетием, очевидна: в романном дискурсе Борис и Глеб являются братьями по духу, проходят сложный путь, попав в Афганистан, гибнут, как и герои древнерусского «Сказания...», на чужой земле (Борис – физически, Глеб – духовно), первой жертвой оказывается Борис, как в предании. Одновременно прилетевшие в Афганистан, они должны были и служить вместе, но Борис оказался в разведроту, а Глеб – в артбатарею. Логика событий кажется главному герою дивергентной: их не должны были разлучать, тогда бы они отстояли себя, уговорили бы других восстать против порядков «дедов». Однако в реальной истории братья тоже, будучи разлучёнными, не сговариваясь, принимают решение не отвечать насилием на насилие, принести себя на заклатие во имя спасения других, чтобы избежать междоусобного кровопролития. Глеб Свиридов и Борис, жертвуя собой (в случае бунта им грозил трибунал), вроде могли бы подорвать привычный мироуклад «первых» – «четвёртых» (как и Борис, Глеб в касте «четвёртых» – «сынов»), противостоять «третьим» – «чижам», «вторым» – «фазанам», «первым» – «дедам», однако нарративом диктуется совершенно иное решение: друзья изначально были лишены всякой поддержки, в то время как историческому князю Борису дружина предлагала пойти на Киев и свергнуть Святополка, а Глеба предупреждал об опасности и не советовал возвращаться в Киев Ярослав Мудрый.

В романе мотив бунтарства задаёт вектор осмысления поступков героев: на войне пацифизм Бориса неуместен, его протест в форме побега – дезертирство, планируемый бунт Глеба против армейских порядков – нарушение дисциплины в условиях боевой обстановки. Отсутствие выбора делает героев экзистенциально несвободными, а за стремление обрести свободу Борис расплачивается жизнью, а Глеб – муками совести. Не реализовавшая себя ненависть к несправедливому миропорядку мотивирует поведение главного героя, переадресовавшего свою агрессию и ненависть врагу: «на его совести гибель афганских кишлаков от снарядов, им корректируемых, стрельба по «духам»» [3, с. 166].

Мотив заступничества моделирует ряд семантических признаков понятийной стороны концепта. Будучи воином, Глеб осознаёт, что выполняет не свою миссию – защитника, а чужую, искусственно навязанную ему извне – убийцы. Герой понимает, что не смог защитить ни себя, ни Бориса. Более того, утрата друга невозполнима, поскольку именно он формулирует некие жизненные истины, дорогие им обоим и являющиеся составляющими их прежнего бытия.

Экспликация образной составляющей концепта позволяет обнаружить разнообразные метафорические описания, номинирующие новые художественные смыслы. Борис и Глеб – метафорические образы романа, они соотнесены и одновременно противопоставлены. Борис – человек европейской ментальности: рационалист и эгоцентрист, с одной стороны, эскапист и гедонист – с другой. Глеб – евразиец, представитель «срединной» культуры, способный понять (не обязательно принять) принципиальные позиции Запада и Востока, носитель ценностей русского народа, менталитет которого, по верному замечанию Н. А. Бердяева, синтезирует два противоположных начала: «природную, языческую дионисическую стихию и аскетически монашеское православие», проявляющихся в антагонизме таких свойств русской души, как «деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядовое и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [1, с. 6]. О любви Глеба к природе, на лоне которой он ищет единения, о его разговорах с лисицей, змеей, о языческом типе сознания главного героя, о его поиске справедливости и истины в богооставленном мире, о его добром и милосердном начале и при этом жестокости по отношению к врагу, об обособленности и одновременно желании быть как все, о подчинённости обстоятельствам и стремлении к бунту говорится в разных главах данного исследования, однако принципиально следующее: при очевидной дуалистичности характера Глеб отличается большей жизнестойкостью, чем Борис.

Борис – продукт культурной среды стила и хиппи, главной ценностью которой является свобода и пацифизм. Эстетизм присущ Борису, и очевидно, что к армейской жизни он не привыкнет. Азию Борис клеймит и сравнивает с «уксусом» и кирзовым сапогом – «изобретением очень земным, азиатским» [3, с. 33], отмечая при этом, что сам согласен в прыгнуть в итальянский. Борис потому и погибает, что в нём так много от европейской ментальности. В Борисе нет той воли к жизни, как в Глебе, которая позволяет выживать, когда все гибнут, самосохраняться, когда другие теряют себя, активировать скрытые потенциалы, когда ситуация становится критической – жизнь-смерть. Глеб выживает, когда время останавливается, а пространство сдавливает, сжимаясь. Таким образом, поклоняющийся Джону Леннону, живущий по заветам *Beatles*, Борис

противопоставляется Глебу, в ком сильно сугубо русское начало, и это русское начало оказывается более жизнеспособным, чем западное. Оно помогает герою вжиться в чужое пространство, приблизить его, адаптироваться к нему. В финале романа в Глебе пробуждается задавленное эстетическое мироощущение, и он начинает не только видеть, но и понимать красоту азиатской природы. Сам факт раздвоения героя на Черепаху, навсегда оставшегося в Афганистане, и Корректировщика, улетающего домой, – свидетельство привязанности к чужому азиатскому пространству, к этой земле.

Натура же Бориса не принимает «азиатчину» с её джихадом, суровыми традициями, кровной мезьью, жарким климатом: «Четыре касты, железные законы, неукоснительное соблюдение традиций и обрядов» [Там же, с. 38]. Героический европейский эпос Борису ближе, чем восточный. Он примеряет на себя взгляд викинга, глядя «мелкими морскими глазами» как будто «сквозь прорези тяжелого кованого забрала» [Там же, с. 40]. В Борисе есть воля к свободе (не к жизни!), поэтому он не выдерживает в разведротке, с её ещё более жёсткими порядками, чем в артбатарее Глеба. Когда Борис клянётся, что «откусит нос» тому, кто станет покушаться на его «гнилое ухо», Глеб верит, глядя на «рыжего кадыкастого высохшего Бориса, на его мелкие, разгоревшиеся глаза с воспаленными веками» [Там же]. Но произнесённое Борисом остаётся нематериализованным: слово и дело расходятся.

В одном из диалогов героев Борис предлагает Черепахе «напевать каждый день –Yellow submarine” группы *Beatles*, чтобы не свихнуться в этом укусе» [Там же, с. 39]. Следует акцентировать внимание на образе «подводной лодки», с которой не уйти. Если в интерпретации –*Beatles*”, по признанию Пола Маккартни, *yellow submarine* – это такое счастливое место [8] (Мы живем внутри воды, // Нет ни в чем у нас нужды. // Синь небес и зелень вод // Над подлодкой круглый год (*перевод И. А. Бродского*)), а в текст самой песни не следует вкладывать больше смысла, чем в текст любой другой детской песенки, то в устах Бориса жёлтая подводная лодка – образ аллегорический, смысловым центром которого является идея спасения и самосохранения. Друзья дают своеобразную клятву: «...задраиваем люки, и, если нас запеленгут, я буду торпедой. Я тоже умею драться, сказал Черепаха. О’кей! погружаемся!..» [3, с. 39]. Эта клятва постулирует верность друг другу, но, погружаясь в царство Зверя, в «аквариум с крепчайшим раствором азиатчины» [Там же, с. 38], друзья разлучаются. И к Глебу, и к Борису приходит осознание, что драться не с кем и не за что, ведь привычная система ценностей здесь нивелируется.

Логика романного дискурса определяет образную систему и характер персонажей. Борис при всей позитивной конструктивности его характера всё же являет некую идеальную схему, становясь образом непрописанным и вспомогательным. Он слишком правилен и идеален, чтобы быть героем романа. Глеб, ищущий себя во вселенском хаосе и оправдание себе и своим поступкам (особенно одному – убийству дезертира Бориса), – подходящий романский персонаж. Он цельный, при очевидной деконструкции его сознания, рефлексирующий, мечущийся, неуспокоенный, не формулирующий истин, потому что осознающий их релятивизм в том или ином пространстве-времени. Но главное – герой непредсказуем в силу своей содержательности, противостоящей формальности Бориса.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Русская идея. М.: Азбука, 2013. 320 с.
2. Воркачев С. Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: современная антология. Волгоград: Перемена, 2003. С. 189-208.
3. Ермаков О. Н. Знак зверя: роман. М.: Эксмо, 2006. 384 с.
4. Макшанцева Н. В. Русское; Соборность; Воля; Удадь; Беспредельность; Тоска; Вера // Межкультурная коммуникация / под ред. В. Г. Зусмана, А. А. Фролова. Нижний Новгород, 2004. С. 103-130.
5. Перевезенцев С. В. Россия. Великая судьба. М.: Белый город, 2007. 704 с.
6. Сказание о Борисе и Глебе [Электронный ресурс] // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. URL: <http://readr.ru/vladimir-skazanie-o-borise-i-glebe.html> (дата обращения: 30.09.2013).
7. Чтение о житии и погублении блаженных страсготерпцев Бориса и Глеба [Электронный ресурс] // Повесть временных лет. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения: 30.09.2013).
8. Yellow Submarine – The Beatles: интересные факты о песне [Электронный ресурс]. URL: http://music-facts.ru/song/The_Beatles/Yellow_Submarine/ (дата обращения: 26.08.2013).

INTERTEXTUAL CONCEPT “BORIS AND GLEB” IN NOVEL “MARK OF THE BEAST” BY O. N. ERMAKOV: CONCEPTUAL AND FIGURATIVE COMPONENTS

Volkova Viktoriya Borisovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Nosov Magnitogorsk State Technical University
VBL2004@bk.ru

The article studies the conceptual and figurative components of the intertextual concept –Boris and Gleb” in the novel –Mark of the Beast” by O. N. Ermakov. Intertext acts as the sense-formative zone of concept modeling, which actualizes religious-mythological and literary parallels. The conceptual component includes a number of definitional characteristics and is represented by the literary motives of intercession and rebellion, and the figurative component is structured by metaphorical descriptions that nominate new literary meanings.

Key words and phrases: intertextual concept –Boris and Gleb”; novel –Mark of the Beast” by O. N. Ermakov; literary motive; conceptual and figurative components of concept.